

ШУМУ эта постановка наделала в Бонне столько, что, сдаётся, целую режиссера была именно шумиха. Почему вот только с премьеры он сбежал, никак я понять не мог. Потом певцы, издерганные и задавленные, объяснили мне причину: боялся, что публика осматривает.

За что же? Впрочем, вот мнение здешних театральных критиков о постановке Юрием Любимовым «Евгения Онегина» в Боннской опере. «Крах режиссерской идеи» — озаглавлена рецензия в «Рейн-ше пост».

«Лишь на мгновения в начале инсценировки еще казалось, что режиссер-эмигрант Любимов нашел разумный путь. Казалось, он понял: это лирические сцены. А огромные теневые фигуры, спроецированные на белом экране, да еще при столь скудном оформлении сцены, вроде бы для того, чтобы зритель сосредоточился лишь на музыке, на переживаниях героев. Но потом вся режиссура кончается крахом. В качестве единственной декорации Любимов воздвиг садовую решетку. Политическое измерение дано опере с самого начала — это ворота решетки: для одних их открывают, для других закрывают, и так без конца. Мало того, Любимов придает еще вдобавок какой-то подавляющий драматический смысл тому, как опускается и поднимается белый экран. Впрочем, где еще иначе появляться его теневым фигурам, главным в любимовском представлении? О концепции же режиссерской тут и речи быть не может. Дальнейшие нелепости, нагроможденные Любимовым, лишь еще более раздражали зрителей... Сцена бала во дворце Гремона, казалось бы, самый известный оркестровый момент всей оперы — и вдруг какая-то непонятная жалкая танцевальная пантомима... Оставалось одно — слушать музыку. Единственное положительное впечатление».

М. Штенгер из «Вестдойче альгемайне»: «Любимов устроил театр намеков, но многие из них выпячены слишком уж прямо. Игра теней чрезмерна. А второй занавес с тенями певцов все ходит то вверх, то вниз. Потом вся эта драматургия теней превращается в утомительную мешанину. От перенапряжения вот уже и сами рабочие сцены, вернее, их тени, замесили на экране».

Слишком уж многозначительными представляют нам эти решетки — как барьеры в обществе и между людьми. И эти нарочито многозначительные дуэльные пистолеты все время на авансцене. Но тяжелее всего то, что Любимов не дает действующим лицам ни жизни, ни душевного выражения».

В. Гёртц из «Кёльнер штатд-анцайгер»:

«Как же разочаровал Любимов взвинченные наши ожидания! Одни лишь изображения задавленных чувств, тупых представлений и мрачных безумствований, а больше-то ведь ничего. Душевного движения нет. А на сцене одни решетки да кованные ворота, какие-то передвижные клеточки».

Стилизация символики доведена в этой инсценировке до крайних преувеличений. Так и ходят взад-вперед промежуточный занавес, белые полотнища, не давая следить за тем, что же происходит с главными героями оперы. Но полотнища эти служат проекционным экраном для театра теней. И снова решетки, их искривленные тени угрожающе торчат на экране — как раз над головой Татьяны. И то и дело

из них, так он навязывает их героям оперы, будто в тюрьму посадил. В общем — «Татьяна за решеткой».

Г. Шюрманн из «Генераль анцайгер»: «Любимову ведь еще раньше, в СССР, ставили в упрек «осквернение» классики. Потом режиссер перебрался на Запад, где он не должен был бы уже встретить таких упреков, характерных для «восточной» точки зрения. Однако, с другой стороны, естественно, что его работа и здесь встречает критику. Пусть и иного рода. Но зато какое произведение получится и с каким смыслом — все равно ведь отвечать приходится».

...В Бонне, взявшись за «Евгения Онегина», Любимов убрал из спектакля реалистические структуры и вместо них ввел

с душой, с любовью, старательно — и такой огромный труд испорчен. Между тем и японская певица Т. Сирасака (Ларина), и Лайош Миллер из Венгерской Народной Республики в роли Онегина, да и другие исполнители трогательны, и зритель оценил это. Выдающаяся болгарская певица С. Евстатиева в роли Татьяны — это событие в театральной жизни ФРГ. Было бы слышать мне от всемирно известной певицы: не режиссура, а издевательство. Любимов, оказывается, цинично признался, что он терпеть не может оперу. Зачем же тогда? А жить, говорит, на что?..

Поговорил я и со здешними театральными деятелями. Иссяк, выдохся, говорят, Любимов... И тяжело очень с ним. Чайковский, видите ли, его не устраивает. Он Пушкина хочет интерпретировать, но без Чайковского. А в итоге пытался придать опере какой-то коварный смысл. Если у него счеты с Советской властью, то сцена Боннской оперы — неподходящее место сводить их.

На скандальный провал постановки в Бонне Любимов реагировал... вторым скандалом, который он устроил уже дирекции Боннской оперы, обвинив ее в срыве. Ему не дали якобы довести свой замысел до конца. И персонал оперы не справился, а особенно некомпетентны рабочие сцены. И он, Любимов, не будет отвечать за эту постановку...

Ж. К. Рибер, шеф Боннской оперы, однако, заявил прессе, что, пока репетировали, Любимов ни единым словом ни на что не жаловался. Хотя Любимов и поставил задачи технически неосуществимые, но дирекция надеялась на его опыт — на то, что он найдет все же нечто реальное. Никто еще не создавал Боннской опере столько проблем, сколько Любимов. И это при лучших условиях работы, чем они обычно создают другим. В целом поведение Любимова Рибер назвал «бесчестным». Довести спектакль до премьеры, чтобы в последний момент отказаться от того, что сам сотворил...

В дирекции Боннской оперы клянут теперь Любимова. Но разве не знали эти опытные и искусные деятели, на что идут? Им отлично было известно, что оперную классику Любимов не раз уже «потрошил» на Западе, до неузнаваемости перекашивая под модерн. Однако же польстились на его скандальную известность: у него ведь здесь уже «имя» по части разрушения литературной и театральной классики. А осквернение классики-то нигде, оказывается, даром не проходит.

А. ФРЕНКИН,
соб. корр. «ЛГ»

БОНН

«ТАТЬЯНА ЗА РЕШЕТКОЙ»

ИЛИ БОННСКИЕ СКАНДАЛЫ Ю. ЛЮБИМОВА

вспыхивает огромная тень Онегина, как какой-то нечеловеческий фантом. Что же касается самих героев оперы, то всем этим шкавалом теней они обречены на пассивность. Из-за отказа Любимова от четкости изображения хуже всего пришлось певице Стефке Евстатиевой (в роли Татьяны)...

Нас испугало, что Любимов так мало понимает в постановке оперного хора... Если поклонники Боннской оперы смогли порадоваться на этом спектакле одному лишь пению — не слишком ли мало это?..

Ф. Райнингхауз из «Франкфуртер альгемайне»: «Любимов пытался охладить мощь и эмоциональность «Евгения Онегина» и перевести в другое измерение — призрачное, для чего и устроил в столице ФРГ всю эту игру теней. В Москве этот режиссер работал с успехом. В ФРГ он провалился. И даже не явился на премьеру... Не справился Любимов с пушкинским произведением, вознамерившись обкорнать его радикальным образом».

Г. Тершюрден из «Боннер рундschau»: «Решетки, решетки... Впечатление такое, что уже и сам Любимов не может выбрать

расплывчатые, зыбкие силуэты. А из реальных изобразительных средств ему достаточно оказалось на сцене одной огромной решетки. Тени и занавес, который мотается то вверх, то вниз, — это у Любимова самостоятельный спектакль, но после нескольких скудных повторов он, конечно, скоро выдыхается: когда нет реалий психологической драмы, то на одних тенях далеко не уедешь. К тому же вся эта затея с тенями явно не получилась даже технически... Трактовка оперы у Любимова оказалась во всех отношениях для театра неосуществимой. Она рухнула, разбившись о реальность сцены. О конкретных провалах можно было бы говорить еще долго, о бесцветных эрзац-вставках с хорошим балетом, о дуэли без выстрела в крошечной тьме... Беспомощность спектакля — необозрима».

У меня самого после спектакля осталось особенно тяжелое впечатление от того, как пострадали придушенные режиссером хористы оперные певцы. Одних — за решетку, вторых — на колени, третьих — в такое искривление, что и дышать-то трудно, не то что петь. Исполнить «Онегина» на русском языке, сделать это